

УДК 821.161.1

Балашова Елена Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры литературы Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского
editor@hist-edu.ru

Balashova Elena Anatolyevna

PhD in Philology, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Literature of Kaluga
State University named after K.E. Tsiolkovsky
editor@hist-edu.ru

«АКТИВНОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» В СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ

"CIRCUMSTANCES ACTIVITY" IN MODERN IDYLL

В современных стихотворных текстах исследовано отношение к событию, что становится одним из принципиальных жанрообразующих принципов современной идиллии. В статье намечается типология событийности/бессобытийности в современных идиллических произведениях. В статье доказывается, что поэзия XX-XXI вв. представлена как асобытийными текстами, так и стихотворениями, в которых «событие» из жизни героя находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент; и текстами с событием, которое возможно в будущем.

The article analyzes the attitude to the event in modern poetic texts, which has become one of the main genre-forming principles of modern idyll. The article presents a typology of eventfulness/eventlessness in modern idyllic works. The article proves that the poetry of the XX-XXIth centuries has been presented by eventlessness texts as well as the poems in which an "event" in the life of the hero is outside the framework of the story but is implicitly emphasized; and also by the texts containing the description of the event, which is possible in the future.

Ключевые слова: стихотворная идиллия, событийность/бессобытийность, жанрообразующие признаки.

Key words: poetic idyll, eventfulness/eventlessness, genre-making features.

Очевидно, что родовая природа произведения не может быть индифферентной к событию. Как же быть с идиллией, которая имеет межродовую природу? Эпика предполагает, что событие уже состоялось. Эпическое произведение всегда строится на осмыслении события. И действительно, представляя судьбу героя, который изменился, поменяв привычный уклад жизни на идиллический (а событие – это всегда переход от одного дискретного состояния к другому, это всегда нарушение границ), предполагаем эпическое начало. В драме событие еще только должно состояться – и есть идиллические тексты, живущие ожиданием такого события. Выход к лирическому роду обеспечивает тот факт, что в большинстве случаев идиллия не предполагает пересечения границ (в ней никогда нет цепи событий). Возможно, прояснить вопрос поможет определение термина «событие» в науке о литературе. Ю.М. Лотман событие определял двояко: как «пересечение запрещающей границы» [7, с. 282] и как «значимое уклонение от нормы» [7, с. 288], «нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [7, с. 286]. Н.Д. Тамарченко определяет событие широко, как «изменение в сюжетной ситуации в виде замены или преобразований условий для персонажа – в результате ли его собственной активности или "активности" обстоятельств» [10, с. 239-240]. Ему вторит В. Шмид: «Событие представляет собой особый тип изменения состояния, который... является фактическим и результативным» [18, с. 7]. По-видимому, классификация возможного событийного ряда зависит от господствующей картины мира (замечание Лотмана) и от норм, заданных жанром. Поэтому в идиллии станет важным не столько то, что герой не пересекает границу, сколько то, что он *переживает* ее.

Отношение к событию действительно станет одним из принципиальных жанрообразующих принципов. Поэзия XX-XXI вв. представлена текстами, которые, во-первых, принципиально асобытийны, в них нет и не может быть события; во-вторых, текстами, в которых «событие» из жизни героя «утоплено», находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент; в-третьих, текстами с событием, которое возможно в будущем (правда, применительно к идиллии это гибель идиллического мира). Перейдем к характеристике каждого из вариантов.

Вариант первый: события не было. Идиллический мир чреват не-событием. Очень предсказуемо, по шаблону свершается все в известную пору: сменяются времена года, соответственно времени года накрыт стол, соответственно этому же идут работы. Бытие идиллического мира по природе бессобытийно. Циклические изменения в природе, как правило, служат мотивацией жизни, в которой не нужно совершать событий. Здесь – хронотоп взаимных перетеканий, мир наблюдения, созерцания. В идиллии нет и не может быть временного прорыва, она не содержит изменения ситуации: идиллия вообще не обладает временной структурой. Событие и процессуальность, событие и ритуальность антиномичны. «Полевая эклога» И. Бродского тому доказательство:

Стрекоза задевает волну
и тотчас устремляется кверху,
отражение пуская ко дну,
словно камень, колодцу в проверку,
чтобы им испытать глубину
и захлопнуть над воротом дверку.

Но нигде здесь не встретишь ведра,
ни тарелки, ни банки, ни склянки.
Пустота, ни избы, ни двора,
шум листвы, ни избы, ни землянки.
Сруб колодца почти до бедра,
неумолчно кричат коноплянки.

Остается возможность во тьму
на веревке с шахтерской корзиной,
через блок перекинув тесьму,
распростившись глазами с низиной,

Отсутствие движения, естественность течения природных процессов, бесконфликтность – вот что делало жанр, вот что было предназначено в качестве средства, снимающего напряжение в общественно конфликтных ситуациях.

Отметим, кстати, что И. Шайтанов указывал на возможные «пути» идиллии. Наряду с «замыканием в условность» (игрой), существовал путь «раздвигания условных границ с тем, чтобы вместить в их пределы элементы местного пейзажа и национального характера. Как довольно скоро оказалось, это был путь не просто опасный, но губительный для жанра, суть которого состояла в том, чтобы утаивать несчастья, выставляя лучшие стороны пастушеской жизни» [17, с. 63].

Вариант второй: событие было. В инварианте событие было невозможно. Однако современники сумели представить жанр через множество возникающих внутри него и подразумеваемых им противоположностей. Трансформация жанра в сегодняшнем его виде предполагает событие – за пределами фабулы. Отказ от прошлого – своеобразная экспозиция, необходимое условие для ровного, безмятежного (часто только уединенного, но не безмятежного – как в стихотворении «Вместо ответа» А. Яшина) существования.

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться, –
В нашей жизни хочу
Разобраться...
Как пустынный в лесу,
Схимник,
Странник,
Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны...
Ни судить, ни винить
Нету силы.
Разве можно забыть
Все, что было?..

опуститься в «бадье» самому
в глубину на полет стрекозиный.

Пядь за пядью веревка из рук
вверх уходит, а звезд и не видно.
Черный мох наползает вокруг
на венцы, так что все они слитно
растворяются в сумраке вдруг,
меж собой разделенные скрытно.

Но до дна не достать; и темно.
Вот и новый порядок смещений:
приближается сверху окно.
Мимо тянущих сыростью щелей,
словно камень, уходит на дно
отражение русских качелей.
[2, т. 1, с. 292-296].

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока...
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек...
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
– Избавь, боже! [19, т. 1, с. 345-346].

Событие стало началом, толчком к сегодняшней идиллической жизни. Однажды свершенное качественное изменение состояния героя (серьезный проступок, несчастная любовь и т.д.) позволило ему (заставило его) уединиться, принять решение уйти от людей. При этом на интимные события жизни может только намекаться, все подробности остаются в тайне. Кстати, в отличие от элегии, где свобода выбора человека заранее ограничена провидением, в идиллии герой вправе сам решить, от чего отказаться.

Иногда идиллическим становится то существование, которого герой не «планировал», не выбирал сознательно. Может быть, и идиллическим оно становится только на поверхности, только по наименованию, а не по сути: без душевного равновесия идиллическую такую жизнь вряд ли назовешь. Но, вольно или невольно, оказавшись наедине с природой, человек перенимает законы ее жизни, излечивается от душевных переживаний. Есть здесь некий момент родства с романтическим восприятием, а именно бегства из мира, в котором герой испытывал отчуждение, из цивилизованного мира в мир дикий, естественных отношений.

Идиллическая жизнь для современного циничного ума часто становится идеалом, за который обязательно (!) пришлось заплатить дорогую цену. У В. Бурича есть стихотворение с пе-

речислением острых моментов частного счастья. И после какого же события они стали возможны?

Дуешь в волосы своего ребенка
Читаешь названия речных пароходов
Помогаешь высвободиться пчеле из варенья
Каким предательством ты купил все это? [1, с. 102].

События могут быть частного порядка, а могут быть эпохальные. И то, и другое событие (и общечеловеческое, эпохальное – как ни странно!) возможно в жизни идиллического героя. Однако события собственной жизни идиллическим человеком так лелеются, что и в условиях жизни даже в масштабах страны он умудряется сохранить частное пространство неприкосновенным для внешних сил.

Идиллический мир для современного человека – это уже не сказочная Аркадия или утопический сад. Обычный лес, находящийся рядом, может стать искомым счастливым пространством. Но в том-то и дело: событием станет пересечение и уже такой близкой границы! См. стихотворение А. Яшина «Все для человека»:

...А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
– До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто – муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок, –
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья...
[19, т. 1, с. 301].

Причина этого, скорее всего, в том, что идиллический человек не может пересечь границу по внешнему способу событийности, ему нужно событие пережить внутренне. Пересечение границы от мира обыденного к идиллическому должно быть обязательно стремительным. См. значимое название стихотворения М. Лапшина «Побег»:

Что мне люди? Ни друзей,
Ни жены, ни проку.
Сдать бы родину в музей,
Всю ее мороку.

Если в праздной нищете –
Жизни больше нету:
И года уже не те,
И не видно свету.

Не хозяин, не слуга,
Чем еще блесну я?
А пущусь-ка я в бега,
В глухомань лесную!

Брошусь в хвою да в листву –
Рваный, бородатый.

Как отшельник заживу,
Только что не святой.

Прибредет верзила лось –
Я ему, краснея,
Выложу, как мне жилось,
Не жилось, вернее.

А когда, как сон-звезда,
Глянет Смерти око,
Мне не будет и тогда
В мире одиноко.

Волки с лисами придут –
Быстро и толково
Похоронят, отпоют
Друга дорогого [12, с. 145].

Вариант третий: событие будет. Приведенный выше пример обнаруживает тяготение героя к поступку: именно пересечение границы приводит его к желаемому замкнутому природному пространству. Правда, чаще всего в идиллическом мире (обратим внимание: говорим об идиллическом мире, а не об идиллическом герое!) возможен только один вариант события – его (мира) гибель. Процитируем ставшую хрестоматийной фразу Е. Хаева: «Можно сказать, что единственное событие, возможное в идиллическом мире, – его гибель» [16, с. 109].

Эта аксиома наложила печать на восприятие идиллического мира: если он (мир) и ожидается, то смерть все равно рядом. Пример – стихотворение М. Лапшина. То же соседство вдруг обретенного идиллического хронотопа и гибель человека (пока речь идет о гибели героя,

а не о гибели идиллического мира) встречаются в «Пастухе» Д. Магулы [8, кн. 1, с. 155], в стихотворениях Б. Рыжего «Родная, мы будем жить здесь...» и «Нежная сказка для Ирины» (у него нам известны два идиллических текста, и в обоих присутствует этот мотив) – [13, с. 294; с. 346-348]. Почему у современника идиллический мир и гибель так настойчиво рифмуются? Идиллический мир как нельзя лучше приспособлен к воплощению идеала, который всегда губителен. Кроме того, ожидаемая гибель возможна оттого, что бессобытийность провоцирует событие: хорошее чревато ожиданием несчастья.

Дает толчок к будущему событию «Эклога 4-я (зимняя)» И. Бродского. Бессобытийность существует на фоне ожидания близящегося конца:

В определенном возрасте время года совпадает с судьбой. Их роман недолог, но в такие дни вы чувствуете: вы правы... Зубы, устав от чечетки стужи, не стучат от страха. И голос Музы звучит как сдержанный, частный голос. Так рождается эклога. Взамен светила загорается лампа: кириллица, грешным делом, разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли, знает больше, чем та сивилла, о грядущем. О том, как чернеть на белом, покуда белое есть, и после. [2, т. 3, с. 13-18].

До этой эклог под номерами у Бродского не было, поэтому естественно предположить, что название стихотворения отсылает к знаменитой 4-ой эклоге из «Буколик» Вергилия. Эпиграф к стихотворению тоже взят из Вергилия: «*Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской, / Сызнова ныне времен зачинается строй величавый*». О. Глазунова отмечает, что в контексте стихотворения Бродского мысль римского поэта приобретает иной смысл: у Вергилия с «последним кругом» связывается пророчество о наступлении «золотого века» на земле, в «Эклоге 4-й (зимней)» значение этого образа имеет «зловещий оттенок, символизируя оледенение всех чувств, конец жизненного пути и переход к смерти» [3, с. 230].

Вариант четвертый: со-бытие. На одно из утраченных значений слова «событие» указывает словарь В. Даля: «событность – кого с кем, чего с чем – пребывание вместе и в одно время; событность происшествий, совместность по времени, современность». «Событчик» мой – где-либо бывший со мной вместе, в одно время, сосвидетель» [5, с. 253]. Здесь отмечен семантический оттенок, связанный с присутствием приставки «со». Это значение как нельзя кстати именно для идиллии:

Что со мной?.. Ручаюсь головою,
Что-то вдруг со мной произошло.
Заново люблю я все живое,
Все, в чем свет сияет и тепло.

Вот я в лес вхожу – задел осинку,
Как бы зря не сбить с нее листа!
Как бы не смахнуть с травы росинку –
Так она немислимо чиста!

По своей протоптанной дороге
Муравьишка трудно тащит тлю.
Стой! Куда ты лезешь мне под ноги,

Я ж тебя случайно раздавлю!

А моя любовь и страсть – рыбалка!..
Вот он, окунь, у меня в руках.
Мне же его и в воду бросить жалко.
И в мешок не опушу никак.

Глаз косит, навеки увядая,
Бьется тело, чувствуя беду...
Или я

В сентиментальность вдруг владаю
На своем сороковом году?[14, с. 121].

Примеры событности дают стихотворения «Я встретил стрекозу...» Р. Солнцева [12, с. 118], «В сторожке на даче...» А. Твардовского [15, т. 3, с. 21], «Вечером» В. Юнгера [9, с. 352], «За пустырем, за желтым донником...» Н. Ягодинцевой [12, с. 348], «Во ржи» Г. Голохвастова [4, с. 149], «Конаково» Е. Пашанова [1, с. 444], «Я построю дом своим ближним...» А. Птицына [11, с. 11] и др.

Один из вариантов необычной «событности» представлен Ю. Верховским, человеком с репутацией «Дельвига XX века» [6, с. 15]. В своих образцах пасторали не возлюбленная (пастушка), а муза любовной поэзии Эрато дарит герою вдохновение, напоив его из источника на горе Геликон (идиллия «У ручья»).

Интерес к событию в идиллическом тексте тянет за собой еще много вопросов, так, например, наличие/отсутствие события выводит, во-первых, на вопрос о родовой природе идиллии; во-вторых, на субъектную организацию текста (событие, о котором рассказывается, и событие рассказывания), ведь факт отсутствия события может по-разному трактоваться: с точки зрения наблюдающего и с точки зрения героя, и тогда справедливо говорить о внешнем и внутреннем (соответственно) событии; в-третьих, на специфическое наполнение хронотопа идиллии, а именно ее а) вневременной характер, а также б) на цикличность идиллического времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антология русского верлибра. 360 авторов. М., 1991.
2. *Бродский И.А.* Сочинения: в 4-х т. СПб., 1992.
3. *Глазунова О.И.* Мотивы оледенения и конца жизненного пути в поэзии И. Бродского 80-х годов // Русская литература. 2005. № 1.
4. *Голохвастов Г.В.* Гибель Атлантиды. М., 2008.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1991. Т. 4.
6. *Звонова С.А.* Творчество Верховского в историко-культурном контексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
7. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
8. «Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии русского зарубежья: в 4-х т. Кн. 1. 1920-1990 гг. М., 1995.
9. От символистов до обэриутов. Поэзия русского модернизма. Антология: в 2-х кн. М., 2001-2002.
10. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
11. *Птицын А.А.* Поэзия ЗаЗемелья: сборник стихов. Киев, 1999.
12. Русская поэзия. XXI век. Антология. М., 2010.
13. *Рыжий Б.Б.* Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.
14. *Старшинов Н.* Мое время. М., 1984.
15. *Твардовский А.Т.* Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1977. Т. 1.
16. *Хаев Е.С.* Идиллические мотивы в произведениях А.С. Пушкина рубежа 20-30-х гг. // Болдинские чтения. Горький, 1984.
17. *Шайтанов И.О.* Мыслящая муза. М., 1989.
18. *Шмид В.* Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность: сборник статей. М., 2010.
19. *Яшин А.Я.* Собр. соч.: в 3-х т. М., 1984. Т. 1.